

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С. Г. Капканшиков¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Севастополь, Россия)

УДК: 336.7(075.8)

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-3

СОКРАЩЕНИЕ СЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА В АЛГОРИТМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ВВП

В статье обосновывается тезис о поэтапном сокращении объема российского экспорта сырья и направлении существенно большей его части на внутреннюю переработку и последующем вывозе конечной высокотехнологичной продукции. Необходимость такой структурной трансформации объясняется не только интенсификацией антироссийских санкций против топливно-энергетического комплекса, состоящих во введении эмбарго и потолка цен на его продукцию, но и острой потребностью кардинального изменения самого типа роста отечественной экономики — с экспортно-сырьевого на инновационный. Подобный сдвиг связывается с формированием и реализацией общенациональной структурной политики государства, призванной противостоять дальнейшей деиндустриализации национального хозяйства. По итогам анализа ключевых диспропорций, сложившихся в российской экономике в ходе ее рыночной трансформации, с особым акцентом на соотношение потребления, инвестиций, госзакупок и торгового баланса, автор предлагает свое видение алгоритма разумного повышения инвестиционной квоты за счет не сокращения личного потребления россиян, а временного снижения вклада чистого экспорта в хозяйственную динамику. Раскрытие принципиальной схемы насущных перемен в функциональной структуре российского ВВП завершается авторским видением способов недопущения при этом избыточного расхождения между доходной и расходной частями государственного бюджета России.

Ключевые слова: антироссийские санкции, сырьевой экспорт, структурная политика, инвестиционная квота.

Цитировать статью: Капканшиков, С. Г. (2023). Сокращение сырьевого экспорта в алгоритме трансформации функциональной структуры российского ВВП. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(5), 43–65. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-3>.

¹ Капканшиков Сергей Геннадьевич — д.э.н., профессор кафедры экономики, МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: kapkansv@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9459-5516.

© Капканшиков Сергей Геннадьевич, 2023

S. G. Kapkanschchikov

Lomonosov Moscow State University (Sevastopol, Russia)

JEL: E01, E12, E60, F13

RAW MATERIAL EXPORTS REDUCTION IN TRANSFORMING THE STRUCTURE OF RUSSIA'S GDP

The article presents a thesis that a phased reduction of the share of raw materials in the total volume of Russian exports and re-direction of a much greater part of it to domestic processing and subsequent export of final high-tech products are required. The need for such structural transformation is explained not only by the intensification of anti-Russian sanctions against fuel and energy complex, including the introduction of an embargo and price ceiling for its products, but also by the urgent need for a radical change in the very type of growth of the domestic economy — from raw materials export to the one based on innovations. Such shift is associated with devising and implementing a nationwide structural government policy, designed to resist further deindustrialization of the national economy. Based on the analysis of the key imbalances of the Russian economy developed during its market transformation, with a special emphasis on the ratio of consumption, investment, government purchases and trade balance, the author offers his own vision of an algorithm for a reasonable increase in the investment quota not through reducing personal consumption, but by temporarily reducing the contribution of net exports. The analysis concludes with the description of a fundamental scheme of urgently required changes in the functional structure of Russia's GDP with the vision of ways to prevent an excessive imbalance between the revenue and expenditure parts of the Russian state budget.

Keywords: sanctions, commodity exports, structural policy, investment quota, regulation.

To cite this document: Kapkanschchikov, S. G. (2023). Raw material exports reduction in transforming the structure of Russia's GDP. *Lomonosov Economics Journal*, 58(5), 43–65. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-3>.

Введение

В феврале 2022 г. Россия серьезно пошатнула глобальное статус-кво и возглавила беспрецедентное, хотя еще только начинающееся, восстание незападных стран против мировой гегемонии Соединенных Штатов, навязываемых ими и их союзниками за рубежом неокOLONиальных правил Вашингтонского консенсуса. Спровоцировав нарастающую волну «девестернизации», российские власти заведомо не могли предполагать, что подобные их шаги останутся без последствий. И, действительно, после начала украинской спецоперации российских Вооруженных сил в мире вполне предсказуемо развернулся процесс резкого ужесточения экономических санкций в адрес нашей страны. Обозначился очевидный возврат от «ум-

ных» рестрикций, ущемляющих в основном интересы лишь финансово-политической элиты, которые оказались в целом малорезультативными в политическом отношении, к санкциям традиционного типа, ударяющим подобно «ковровым» бомбардировкам по всем субъектам российской экономической системы. Ведь не секрет, что наибольшие потери от новых санкционных «бомб» понесут вовсе не акционеры «Газпрома» или «Роснефти», а подавляющее большинство населения. Наряду с рекордной, бесцеремонно нарушающей международное право, заморозкой половины ее немалых международных резервов показательные рестрикции выразились, прежде всего, в радикальных попытках введения коллективным Западом эмбарго на зарубежные поставки российской нефти, потолка цен на нее, подрыве веток «Северного потока» и использовании целого ряда других откровенно враждебных инструментов, призванных резко сократить валютные поступления от сырьевого экспорта и тем самым, последовательно убирая «подушку безопасности» в виде Фонда национального благосостояния, урезать возможности финансирования специальной военной операции. Демонстрируя излишне короткую историческую память, власти европейских стран, которые цинично игнорируют коренные экономические интересы своих народов, предпочитают сегодня не вспоминать тот незабываемый факт, что именно форсированный импорт советских энергоносителей в 1970-е гг. помог им преодолеть тяжелейший энергетический кризис, спровоцированный тогда монополистическими действиями картеля ОПЕК, а в дальнейшем, особенно после распада Советского Союза, внося немалый вклад в сокращение издержек множества компаний Евросоюза, способствовал ускорению экономического роста параллельно с предотвращением там инфляционных тенденций. Нынешние действия этих стран-санкционеров под диктовку Вашингтона (включающие поставки танков, а в будущем и самолетов для ВСУ) являют собой пример нежелания испытывать хотя бы видимость благодарности за ту крайне своевременную и масштабную поддержку.

Безусловно, обозначившееся сегодня стремительное расширение санкций в отношении российского энергетического сектора, включая экспорт угля, нефти и газа, далеко не случайно. В ситуации неуклонно теряющей свою конкурентоспособность обрабатывающей промышленности одним из ведущих драйверов развития экономики США становится экспорт сланцевых энергоносителей. Продолжавшийся здесь длительный период сокращения добычи нефти и газа в 2005 г. завершился, и обозначился ее резкий рост, который превратил Соединенные Штаты в одного из трех ведущих поставщиков энергии, активно ведущего поиск новых рынков сбыта за границей. Поскольку Россия традиционно являлась одним из крупнейших экспортеров топлива в европейские страны, то ограничительные меры против нее помогают американцам сразу «убить двух зайцев»: и попытаться занять российскую нишу на мировых энергетиче-

ских рынках, как это было сделано ранее в отношении иранской нефти, и подорвать российский федеральный (а значит, и оборонный) бюджет как ведущий ресурс государственного регулирования отечественной экономики и финансовый инструмент обеспечения победы нашей страны в условиях развернувшейся мировой гибридной войны. При этом стремление Запада радикально сократить нефтегазовые доходы направлено не только на подрыв обороноспособности России, но и на лишение финансовых возможностей ее правительства компенсировать ими невысокую эффективность производства во многих несырьевых секторах отечественной экономики. Такова стратегия действий властей США, разработанная корпорацией RAND (Research and Development), которая в качестве некоей «фабрики мысли» исполняет функции чрезвычайно засекреченного стратегического исследовательского центра американского правительства, а также Всемирного банка, фондов Рокфеллера и Сороса.

Основная часть

В сложившейся остро критической ситуации неизбежно формирование в России некоей «новой реальности», состоящей в неотвратимом подрыве самих фундаментальных основ сложившейся в последние три десятилетия модели развития ее национального хозяйства. Действительно, даже после введения российского военного контингента в Афганистан в 1979 г. наша страна не сталкивалась с масштабным кризисом топливных поставок за рубежом, подобным нынешнему. Наблюдаемая ситуация в сфере энергетического экспорта закономерно превращает в поистине центральную проблему на всю обозримую перспективу перевод крайне вялого в условиях автономной рецессии последнего десятилетия преимущественно экспортно-сырьевого роста отечественной экономики в его значительно более инновационный режим. Федеральным властям давным-давно пора положить конец представительству России в глобальных воспроизводственных цепочках преимущественно на их начальных, а именно сырьевых, звеньях, доля которых в структуре мирового хозяйства под влиянием научно-технического прогресса и в условиях перехода к шестому технологическому укладу к тому же неуклонно сокращается. Подобная трансформация предполагает серьезную диверсификацию отечественной экономики в плане обеспечения ускоренной динамики внутренне ориентированных секторов, обладающих конкурентными преимуществами и выпускающих при этом продукцию с высокой добавленной стоимостью. Обеспечение прорывного инновационного развития предполагает формирование и реализацию властями рациональной структурной политики, которая призвана выступать мощным средством повышения доли высокотехнологичных обрабатывающих производств в составе ВВП и, в частности, экспорта. Именно общенациональная структурная (и тесно связанная с ней ин-

вестиционная) политика является, по нашему убеждению, единственно адекватным ответом российского государства на развернутую против него санкционную войну, поскольку только в случае ее реализации у страны возникает реальный шанс на преодоление многолетней деиндустриализации как ведущего проявления «голландской болезни». Если эффект Гроинингена выражается в серьезном перекосе воспроизводственных пропорций в сторону сырьевых отраслей под влиянием чрезмерного укрепления реального курса рубля и существенно большей рентабельности добывающего сектора по сравнению с обрабатывающим, то что позволит искоренить его, как не обеспечение опережающего развития отраслей, выпускающих несырьевую продукцию конечного спроса?

Понятно, что подобное перенацеливание российской экономики и как объективная потребность, и как вынужденная реакция на западные санкции, заведомо не может случиться само по себе, на базе одних лишь стихийно действующих рыночных механизмов саморегулирования воспроизводства. Определение наилучшей скорости расширения (сужения) различных секторов требует воссоздания совокупности координирующих институтов, которые по подобию своих советских предшественников обеспечивали их формирование комплексных программ структурных реформ, гарантируя их надежное финансовое и материальное обеспечение. Только методы реализации подобных сдвигов в обстановке сложившегося рыночного хозяйства должны стать качественно иными. Активное участие частных фирм в реализации той или иной правительственной программы оказывается возможным здесь лишь в случае нахождения властями форм разрешения объективно существующих противоречий между их экономическими интересами и интересами государства. Регулярно вырабатывая макроэкономический прогноз предстоящих перемен в структуре народно-хозяйственного организма, правительство должно предлагать компаниям включиться в процесс достижения приоритетных общегосударственных целей. В случае такого участия они получают гарантированный сбыт своей продукции по заранее определенным, крайне выгодным им ценам, более дешевые кредиты и значимые налоговые послабления. А при отказе от достижения этих целей из-за резко возросших рисков на «свободном рынке» вовсе не исключался бы и их прямой финансовый крах. Крайне важно, чтобы действия надсистемного регулятора по преобразованию структуры национальной экономики получали предварительное одобрение со стороны отечественной науки с последующим прохождением «процедуры публичного обсуждения документов по долгосрочной стратегии в комитетах законодательных органов и принятие соответствующих законов» (Амосов, 2011, с. 3).

После подлинного провала 1990-х гг., когда усилиями обремененных властными полномочиями неолибералов на проведение структурной политики было фактически наложено табу, в XXI в. необходимость ее фор-

мирования вроде бы все более и более признается Правительством России. Действительно, в условиях развернувшегося вскоре санкционного противостояния полностью дискредитированным оказался пролиберальный курс на создание максимально возможной добавленной стоимости на базе приобретенного импортного оборудования — при всемерной экономии бюджетных средств на поддержку производства его отечественных аналогов. Для средств массовой информации властями регулярно изыскиваются единичные примеры успешного импортозамещения, потеснившего с прилавков заграничную продукцию. Регулярно приводятся статистические данные, которые свидетельствуют о неуклонном повышении доли несырьевого экспорта за счет сокращения доли вывозимого сырья, хотя при ближайшем рассмотрении подобная динамика наблюдается прежде всего в периоды падения цен на мировых сырьевых рынках. Что же касается продукции сельского хозяйства, то факт ее стремительно нарастающего экспорта при всплеске мировых цен на продовольствие в обстановке глобальной агфляции не должен вводить в заблуждение. Крайне невыгодный размен отечественной аграрной продукции на промышленные товары зарубежных производителей во многом роднит современную Россию с дореволюционной Российской империей, а также с предвоенным Советским Союзом, активно обменивавшим агросырье на зарубежное оборудование. Тем более что и сегодня остается ощущение некоей спонтанности конкретных шагов правительства, их единичности, а не массовости, отсутствия серьезного сравнительного анализа альтернативных вариантов обеспечения назревших преобразований в соотношении частей российского национального продукта. Явно недостаточно учитывается тот бесспорный факт, что для наращивания экспорта наукоемкой продукции из России требуется подлинный прорыв не только в технологиях и оборудовании, но и в уровне подготовки соответствующих им кадров. К тому же понятно, что радикальное увеличение доли готовой продукции в российском экспорте станет возможным только тогда, когда за границей существенно расширится круг платежеспособных покупателей, для которых отечественные товары будут более привлекательными по соотношению «цена — качество» сравнительно с их собственными товарами. И это должны быть далеко не только экологоемкие, природорасточительные товары типа алюминия, целлюлозы или химических удобрений, которые индустриально развитые страны зачастую попросту не желают производить сами, но и полноценная продукция высокотехнологичного перелома с серьезной долей добавленной стоимости.

Однако вплоть до 2022 г., формально признавая необходимость кардинальных перемен в структуре и научно-техническом уровне национальной экономики, российские власти лишь подходили к формированию структурной политики как своей неотъемлемой функции. Излишне декларативные их рассуждения о безальтернативности перевода

отечественного хозяйства с экспортно-сырьевому пути развития на путь инновационный далеко расходились с реалиями государственного регулирования экономики России. При выдвижении структурных приоритетов доминировала откровенная демагогия, например, легковесные по своему содержанию суждения о том, что замещать абсолютно все импортные товары отечественными с сугубо коммерческой точки зрения заведомо не стоит, многие инвестиционные блага следует и впредь приобретать за рубежом, плодотворно используя преимущества международного разделения труда. Следование же подобному крайне абстрактному постулату, в конечном счете, и привело к фактическому провалу столь значимого постсанкционного курса на импортозамещение в целом ряде секторов российской экономики, поскольку вносило серьезный разлад в складывающийся механизм регулирования народнохозяйственных пропорций и сохраняло зависимость от импорта технологического оборудования, ныне в значительной степени недоступного. «С одной стороны, — резонно замечает И. Р. Курнышева, — государство декларирует необходимость инновационных, технологических, социальных перемен, а с другой — консервирует сложившиеся структурные пропорции» (Курнышева, 2017, с. 27). Похоже, что многие члены кабинета министров даже накануне украинской спецоперации не учитывали (что было сделано, например, советским правительством в предвоенные 1930-е гг. при формировании курса на стремительную индустриализацию) крайнюю ограниченность времени, отпущенного нашей стране в обстановке усиливающейся гибридной войны с Западом. Не вполне осознавая различия между циклическим и структурным кризисами, включая очевидную неидентичность алгоритмов их успешного преодоления, либеральный экономический блок продолжал возлагать главные свои надежды на некую стихийную трансформацию структуры экономики через внутренние силы рыночного механизма. Между тем, даже если не замечать глубоких деформаций в отечественном механизме рыночной самонастройки, надо четко осознавать факт принципиальной непреодолимости структурных кризисов на его основе. Здесь безальтернативна общегосударственная политика обеспечения структурной безопасности, вовсе не сводящаяся, в частности, всего лишь к пассивному «нащупыванию дна» спада, от которого уже можно оттолкнуться, а предполагающая активное формирование качественно иной модели экономического роста страны. Однако в правительстве по сей день остро ощущается недостаток истинных специалистов, которые прошли бы через многолетнее руководство крупными предприятиями, выпускающими высокотехнологичную продукцию (прежде всего машиностроительную). Между тем профессиональный чиновник, социолог, торговец или сырьевик после своего во многом случайного прихода в высшие эшелоны власти зачастую оказывается просто не в состоянии адекватно оценить разрушительные

последствия для трудоемких обрабатывающих отраслей с невысокой нормой прибыли, например, 15%-й кредитной ставки или 30%-го страхового взноса.

Министерством экономического развития, фактически отвечающим за структурную политику, до сих пор так и не найден консенсус даже по вопросам ее секторальных приоритетов (микропроцессоров или скоростных поездов, гражданских магистральных самолетов или атомных реакторов и т.п.). Правда, еще в 2012 г. В. В. Путин четко зафиксировал в качестве приоритетных такие отрасли, как фармацевтика, высокотехнологичная химия, композитные и неметаллические материалы, авиационная промышленность, информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии, атомная промышленность и космос. Однако и сегодня многие предприятия отмеченных секторов продолжают испытывать серьезные трудности с централизованным финансированием их производственной деятельности, как будто разрешение их перезревших технологических проблем можно отложить на поистине неограниченное время. Как отмечает А. И. Колганов, наличие попыток властей изменять структуру экономики, что крайне актуально для современной России, можно было бы зафиксировать, только «если сделать смелое предположение, что они являлись реальным приоритетом» (Колганов, 2022, с. 102). В результате за три десятилетия рыночной трансформации российской экономики не только не оказались устраненными, но, более того, даже усилились те кардинальные и крайне неблагоприятные изменения в соотношении компонентов ВВП нашей страны, которые потенциально лишают ее прежнего статуса великой державы и усиливают угрозу «неэффективного позиционирования России в новой конфигурации многополярного мира» (Оценка рисков и угроз экономической безопасности России 2018–2020 гг., 2018, с. 16).

Во-первых, в результате серьезного упрощения структуры производства за счет нарастания промежуточных благ, развертывания процесса деиндустриализации в русле «русской болезни» резко снизилась доля конечных товаров (Капканщиков, 2022). Наблюдалась отчетливая перестройка отечественной экономики в направлении от обрабатывающих отраслей к добывающим. Форсированное наращивание доли топливно-энергетического комплекса в составе национального продукта убедительно свидетельствовало об ущемлении властями национальных экологических интересов и целенаправленном преследовании ими сугубо коммерческих целей энергетических гигантов. При этом форсированный экспорт сырья сопровождался прибыльной продажей импортной несырьевой продукции в безмерно раздувшейся отечественной торговой сети. И тот отмеченный Н. В. Акиндиновой, В. А. Бессоновым и Е. Г. Ясиным факт, что оборот розничной торговли за годы рыночных реформ в 2,5 раза превысил рост национального продукта, доказывает вовсе не мифическое повышение благосостояния большинства россиян (Акиндинова и др., 2018, с. 13),

а скорее примитивизацию отечественной экономики, все большее превращение ее всего лишь в поставщика сырья для государств центра мировой экономики и полупериферийную сферу сбыта создаваемых там потребительских благ, активно вытесняющих с внутреннего рынка отечественного производителя. Между тем, по расчетам В. Милова, для того чтобы безбедно существовать за счет экспорта энергоносителей, страна должна ежегодно вывозить свыше 40–50 т нефтяного эквивалента в расчете на душу населения, что принципиально невозможно для государств с численностью жителей более 50 млн человек (Миров, 2006, с. 22). Хотя суммарный объем располагаемых Россией природных богатств поистине впечатляет, однако по уровню подушевой обеспеченности ими (даже без учета фактора нарастающей дороговизны их добычи и транспортировки) наша страна беспросветно проигрывает таким сугубо сырьевым и куда менее заселенным государствам, как Саудовская Аравия, Катар, Кувейт или Венесуэла. Получается, что среднедушевого уровня нефтегазовых доходов в России заведомо не хватает для построения общества благоденствия. «В России нефти вполне достаточно, чтобы подавить другую промышленность, но слишком мало, чтобы обеспечить нормальный уровень жизни» (Чигрин, 2008, с. 5).

Во-вторых, за счет уменьшения доли промышленности (до 36,3% в 2014 г.) и сельского хозяйства (до 4%) ускоренными темпами расширялся сервисный сектор (до 59,7%) (Кимельман, 2020, с. 70), в котором создается крайне незначительная добавленная стоимость в расчете на одного занятого и потому отмечается невысокая эффективность. Причем при сжатии материального производства нарастал удельный вес услуг, требующих не высокой квалификации специалистов (как, например, в сферах образования, здравоохранения и культуры), а довольно низкой, востребованной в торговле или гостинично-ресторанном бизнесе и обусловленной доминирующими здесь довольно несложными технологиями. И если в развитых странах доля образования в последние годы плавно сокращается, прежде всего, из-за перехода некоторых выполняемых им функций к обучающим информационным системам, то решающим обстоятельством свершившегося двукратного уменьшения вклада российского образования в ВВП явилось последовательное урезание масштабов реального бюджетного финансирования средней и высшей школы. В результате неизбежных межотраслевых кадровых перетоков наиболее массовой профессией в стране стали вовсе не ученые, педагоги и инженеры, а торговые работники. В 2005 г. в розничной торговле (без торговли автомобилями) было задействовано всего 584 тыс., а в 2016 г. — уже 1,4 млн работников (Гимпельсон, 2016, с. 133). Совокупная же среднегодовая численность занятых в оптовой и розничной торговле, в сфере ремонта автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного потребления составила в 2015 г. 12 983 тыс. человек

(19,0%), в то время как в секторе обрабатывающих производств — всего 9794 тыс. человек (14,3%).

В-третьих, произошли неблагоприятные перемены в функциональной структуре российского ВВП, рассматриваемого по методу потока расходов как сумма потребления C , частных инвестиций I , государственных закупок G и торгового баланса TB . Перемены эти заключались в существенном увеличении удельного веса потребления и чистого экспорта за счет сокращения доли инвестиций при относительной неизменности доли госзакупок. Так, по расчетам И. В. Белякова, в среднем за 1995–2017 гг. доля C достигла отметки около 52%, I — 18%, G — 18%, TB — 12% (Беляков, 2018, с. 36–37). В 2018 г. соотношение этих частей составляло 49,5%, 23,0%, 17,5% и 10,0%. Понятно, что завышенное относительное потребление россиян, во многом достигаемое за счет будущих поколений, которые наверняка будут лишены рентных доходов в виде нефтегазодолларов в нынешнем объеме и возможностей их направления на инвестиционные цели, трудно признавать позитивным структурным сдвигом. Тем более что подобная потребительская ориентация по понятным причинам не могла стать сколько-нибудь долговечной, что доказывает опыт последних восьми лет, в течение которых реальные доходы населения неуклонно снижались. И если относительная величина G и сегодня не выглядит чрезмерной (если не углубляться в неблагоприятное соотношение их активной и пассивной частей), будучи близкой к среднемировому индикатору, то доля I явно занижена и не соответствует нынешним потребностям модернизации отечественной экономики. В то время как потребительский спрос российских домохозяйств, в общем и целом, стал восстанавливаться уже к концу 2022 г., главные проблемы с инвестиционным спросом отечественных предприятий обозначаются в 2023 г.

Поэтому значимым звеном механизма противодействия антироссийским санкциям следует признать активные действия властей не столько по наращиванию объема, сколько по улучшению структуры национального продукта в тех секторах, которые в случае отсутствия государственного вмешательства оказываются не в состоянии реализовать свой потенциал хозяйственного развития и создания общественных благ. Одним из ведущих направлений такой общенациональной структурной политики является как раз оптимизация соотношения различных компонентов ВВП. При этом речь должна идти, прежде всего, о крутом маневре в сторону повышения инвестиционной квоты до, безусловно, необходимых для устойчивого роста национальной экономики параметров, без чего трудно надеяться на прогрессивные структурные сдвиги. И если в Китае крайне насущной проблемой является уменьшение доли инвестиций в ВВП (в 2010 г. ее соотношение с долей потребления достигало немыслимой отметки в 132%) (Василенко и др., 2018, с. 69), то в России поистине безальтернативным является сегодня курс на существенное повышение

этой доли, доведение ее хотя бы до нижнего порога инвестиционной безопасности в 25% ВВП. Но при этом, естественно, напрашивается вопрос: за счет какого компонента национального продукта — личного потребления или чистого экспорта (оставляя за скобками госзакупки, которые после запуска СВО, особенно в части гособоронзаказа, сокращать непозволительно) следует наращивать инвестиционную квоту?

Неоклассический ответ на этот ключевой вопрос по традиции состоит в дальнейшем существенном урезании реальных доходов и, соответственно, потребительских расходов граждан России. Умеренно-жесткая политика центрального банка, гарантирующая наряду со сдерживанием инфляции спроса поддержание высоких процентных ставок по депозитам для стимулирования сберегательной активности с последующей трансформацией этих сбережений в инвестиции, признается сторонниками неоклассической теории чуть ли не решающим звеном механизма обеспечения прорывного экономического роста наряду с решительным сдерживанием трудовых доходов работников во избежание раскручивания спирали инфляции издержек. Именно такая «экономика дешевого работника» была, как известно, сформирована еще в годы советской индустриализации, когда крайне невысокое благосостояние населения признавалось некоей платой, социальной ценой за стремительный хозяйственный подъем. Нечто подобное до последнего времени наблюдалось и в Китае, где в 2017 г. доля накопления все еще превышала долю частного потребления — 44,3 и 38,7% ВВП соответственно, что совсем не характерно для развитых стран, в которых эта пропорция составляла 22,7 и 54,2% (Григорьев, Макарова, 2019, с. 25).

Думается, однако, что сегодня, в обстановке в целом сформировавшихся в России рыночных отношений, воспроизводить подобный неоклассический подход нецелесообразно. Безусловно, не следует, рассчитывая на увеличение инвестиций, бездумно наращивать потребление, всемерно провоцируя какой-либо покупательский инфляционно опасный бум. Однако и жесткое его ограничение явилось бы непростительной ошибкой, так как в ситуации рестриктивного ограничения денежных доходов и, соответственно, покупательной способности населения трудно прогнозировать качественное улучшение инвестиционного климата в реальном секторе отечественной экономики. Куда более вероятным последствием реализации подобного пролиберального курса может стать, наоборот, еще больший спад инвестиционного спроса через определенный временной лаг вслед за сокращением спроса потребительского. «Рост российской экономики тормозится не высоким уровнем потребления и низкой долей сбережения, а недостаточным использованием сбережения для производственного инвестирования. В этих условиях дальнейшее сжатие потребления и увеличение сбережения приведет не к ускорению роста, а к углублению экономического спада» (Букина, Маневич, 2016,

с. 5). Что же касается мифических преимуществ экономии на трудовых издержках, то подобная скупость представителей бизнеса вполне может повлечь за собой вовсе не направление прибыли корпораций на чистые производственные инвестиции, а всего лишь ускоренное наращивание бонусов менеджеров и доходов от собственности — дивидендов и процентов, а также интенсивный вывоз капитала и его превращение в зарубежные реальные и финансовые активы.

Признавая принципиальную неприемлемость сколько-нибудь масштабной экономии на потреблении, мы склонны признавать временной «жертвой» назревшей трансформации структуры российского ВВП чистый экспорт. Специфические условия, в которых функционирует российская экономика (исторические, природно-географические, технологические и др.), закономерно делают ее страной, чья внешнеторговая экспансия на зарубежных рынках не может не признаваться сегодня сугубо вторичной задачей сравнительно с неуклонным наращиванием внутреннего потенциала потребления и накопления. Сама же подобная трансформация, включающая устранение, как отмечает П. Ю. Королев, «чудовищной внешнеторговой квоты» (Королев, 2016, с. 70), должна, на наш взгляд, протекать по следующему кейнсианскому алгоритму.

Первое. Поскольку нынешний геоэкономический кризис, как и любое иное потрясение в обществе, — это, как известно, и время возможностей, постольку наступает момент выведения форсированного экспорта энергоносителей и другого сырья из перечня приоритетов структурной политики при решительном перенаправлении высвобождающейся их части на внутренний рынок, в том числе в интересах столь нужного отечественным производителям конечной продукции снижения внутренних сырьевых цен. И дело здесь не в том, что «экспорт в качестве драйвера экономического роста российской экономики в обозримом будущем вряд ли имеет перспективы» (Николаев, 2023, с. 69). Перспективы, конечно же, имеются в обстановке пока что нарастающего в 2023 г. спроса со стороны мировой экономики, но только при этом отечественный рост так и останется ущербно-сырьевым. При этом во избежание излишней затоваренности внутрироссийского рынка сырья сокращение его вывоза за границу должно быть четко синхронизировано с увеличением спроса на сырьевую продукцию со стороны домохозяйств и особенно компаний, занимающихся активной промышленной переработкой. В условиях резко усилившихся логистических, инфраструктурных и главное геополитических ограничений на сырьевой экспорт его объем целесообразно вернуть, как минимум, к отметке конца первого десятилетия XXI в. Новым шагом на этом пути является добровольное, хотя и, видимо, согласованное с нефтяным альянсом ОПЕК+, решение российских властей убирать начиная с августа 2023 г. с мирового рынка очередные 500 тыс. баррелей нефти в сутки.

Безусловным изъяном экономической политики, обрекающей ее в обозримой перспективе на задействие некоего стрессового сценария, следует признать продление любой формы экспорта (сегодня в основном окольными путями) невозобновляемых минеральных ресурсов в недружественные страны. В обстановке безудержного санкционного давления последних вывоз сырья сюда даже в сокращенном объеме — непозволительная роскошь и индикатор политической неадаптивности федеральных регуляторов трансграничных товарных потоков. Понятно, что масштабные российские поставки, осуществлявшиеся по крайне выгодным для стран Запада долгосрочным контрактам, многие годы позволяли их хозяйственным субъектам получать дополнительные доходы, а в последнее время в немалой степени способствуют выпуску тех вооружений, которые все более мощным потоком отправляются в зону проведения российской спецоперации. Куда прагматичнее в подобной ситуации выглядело бы уменьшение физического объема добываемого сырья, тем более в условиях импортного эмбарго Запада, которое делает неизбежным постепенное сокращение добычи российских углеводородов по мере дальнейшего физического и морального износа оборудования в отечественном топливно-энергетическом комплексе. Значительную долю невосребованных на мировых рынках углеводородов целесообразно оставлять в недрах, раскупорка которых в будущем может быть оправданной лишь в ситуации неизбежного (например, после снятия карантинных ограничений в КНР) скачка цен на них. Конечно, сокращение нефтегазодобычи является технологически сложной и крайне затратной акцией, однако значительная доля связанных с ним расходов вполне может быть компенсирована за счет повышения сырьевых цен в обозримой перспективе, в том числе из-за вероятного улучшения геоэкономической ситуации в мире в результате предстоящего крушения гегемонии американского мирохозяйственного уклада. Распространенное же утверждение о том, что форсированная продажа углеводородов абсолютно целесообразна до тех пор, пока на них имеется спрос, вряд ли оправданно применять к современной России, которая невыгодно отличается от многих других стран-энергоэкспортеров ярко выраженным перекосом в соотношении доказанных запасов нефти и объема годовой добычи, особенно с учетом крайне невысокого по мировым меркам коэффициента ее извлечения из недр. И если вполне можно допустить принципиальную возможность завершения эпохи нефти как ведущего энергоносителя еще задолго до момента исчерпания ее мировых запасов, то в нашей стране в случае даже поддержания нынешних объемов добычи и особенно экспорта «черного золота» подобная возможность представляется весьма сомнительной. Конечно, ситуация с отечественной газодобычей выглядит значительно более оптимистичной. Однако в условиях, когда обострение противоречий между Украиной (а через нее странами НАТО) и Россией, а также введение вторичных санкций против партне-

ров «Газпрома» по строительству «Северного потока — 2» с последующим разрушением веток газопроводов СП-1 и СП-2 привели к резкому сжатию поставок газа на Запад, правительству целесообразно оперативно трансформировать эти поистине трагические обстоятельства глобального теракта в существенное сокращение его добычи при несравненно более глубокой переработке на российской территории.

Уменьшение величины извлекаемых из недр энергоносителей необходимо и в силу того, что быстро перенаправить выбывающий их объем с Запада на Восток, а также в ряд государств Латинской Америки, нереально (да и дисконт при их продаже до сих пор излишне велик, в том числе из-за резко возросшей стоимости фрахта танкеров, которых у нас пока явно недостаточно), поскольку инфраструктура подобных альтернативных поставок может быть сформирована лишь в течение многих лет, если не десятилетий, да и сама по себе морская переброска топлива с Балтики в Азию логистически затруднительна. Во всяком случае, совокупные поставки природного газа в Китай по «Силе Сибири» оказываются пока в шесть раз меньше, чем одни только потери «Газпрома» от постсанкционной утраты европейских рынков. Нельзя не учитывать и факт отсутствия в России крупных хранилищ углеводородов, которые могли бы обеспечить поддержание объема их добычи даже в обстановке сокращения физического объема экспорта. К тому же вполне оправданно ожидать дальнейшего, раз в два месяца, пересмотра ценового потолка (с введением новых форм этого нерыночного по своей природе инструмента на разнообразные виды топливно-сырьевой продукции) в сторону понижения, особенно если мировые цены на сырье пойдут вниз в обстановке вновь неотвратимо надвигающейся глобальной рецессии. Не секрет, что мировая цена нефти марки Urals, которая до последнего времени продавалась не на 5% дешевле, чем эталонный сорт Brent, как это было всего полтора года тому назад, а уже примерно в 1,5 раза, есть ничто иное, как производная не только от цикличности колебаний всемирного хозяйства, но и от интенсивности санкционного противостояния государств. В связи с чем российскому правительству, подобно властям Китая, которые активно занимаются этим со времен Великой рецессии 2008—2009 гг., целесообразно решительно переходить с внешнеэкономической стратегии развития на стратегию внутриэкономическую, последовательно расширяя емкость внутреннего рынка.

Известно, что в Советском Союзе вывоз энергоносителей происходил без видимого ущемления интересов отечественных производителей в этом важнейшем сырье. Нефтяной экспорт заведомо не выступал здесь самоцелью (в 1980 г. он составлял 119 млн т, в 1985 г. — 117 млн т, в 1990 г. — 109 млн т, т.е. равнялся всего около одной пятой от объема добычи), являясь, прежде всего, средством успешного разрешения внутренних социально-экономических проблем страны. И только после попыток запуска ради-

кальных рыночных реформ по либеральному сценарию «шоковой терапии» доля углеводородов, поставляемых за границу, стала резко нарастать (Капканщиков, 2022b, с. 44). Так, из добытых в 2019 г. 561,1 млн т нефти и газового конденсата 266,1 млн т было направлено на экспорт (Филимонова и др., 2020, с. 694). Если же приплюсовать сюда еще и нефтепродукты, 142,8 млн т которых отправлено за рубеж, то экспортная ориентация достигла почти 76%, устойчиво воспроизводя сырьевую модель в обстановке глубокой заинтересованности развитых стран в неиспользовании топлива на внутрироссийских перерабатывающих предприятиях для существенного удешевления их производственных затрат посредством расширения предложения топлива на мировых рынках. В этом плане нарастающие западные санкции и отказ большинства развитых стран от энергетического сотрудничества с Россией способны в исторически короткие сроки инициировать как раз то, что три десятилетия не удавалось претворить в жизнь российскому государству. Именно отказ от приобретения, во всяком случае, по рыночным ценам, наших энергоносителей, а в недалеком будущем, очевидно, и другого минерального сырья со стороны многих стран-санкционеров делает крайне целесообразным уменьшение как совокупного объема их добычи, так и доли отечественной промежуточной продукции, поставляемой на экспорт, и тем самым приближают инновационное будущее российской экономики. Конечно, для этого потребуется решительный отказ от целого ряда прежних ошибочных решений, связанных с урезанием правительственной поддержки множества отечественных предприятий, которые под натиском разрушительной конкуренции со стороны крупных международных компаний (не имевших ограничений ни в плане финансовых ресурсов, ни в части инновационных технологий) были вынуждены уйти с внутрироссийского рынка. Реальной альтернативой сложившемуся подходу выступает результативная структурная политика, ключевыми компонентами которой мы признаем взаимосвязанную совокупность налоговых и бюджетных инструментов, призванных кардинальным образом изменить уровень рентабельности сырьевых и обрабатывающих производств в пользу последних. К наиболее значимым налоговым механизмам нельзя не отнести решительный отказ от реализуемого налогового маневра с воссозданием адекватного механизма рентного налогообложения, повышением уровня экспортных пошлин, взимаемых с максимально полного списка сырьевых экспортеров, и в меньшей степени НДС, который в значительной степени перекладывается сырьевиками на производителей конечной продукции, сокращение НДС и страховых взносов, основное бремя которых по сей день вынуждены нести обрабатывающие производства трудоемкой продукции с высокой долей добавленной стоимости, расширение практики изъятия в казну «налога на доходы, принесенные ветром», т.е. доходы, обусловленные уникально благоприятной конъюнктурой на мировых сырьевых

рынках. Ничуть не менее значимыми выступают бюджетные механизмы, задействование которых исключало бы бездумное накопление суверенных фондов финансовых резервов в обстановке неполной занятости и предполагало безальтернативное использование поступающих от сырьевиков бюджетных и внебюджетных средств на финансирование государственных инвестиций, закупок, субсидий приоритетным несырьевым секторам отечественной экономики.

Второе. Восстановление органично присущего СССР «индустриального ландшафта» посредством бюджетного перераспределения рентных доходов недропользователей на поддержку наиболее значимых обрабатывающих секторов, обладающих бесспорными конкурентными преимуществами, позволит через повышение спроса на квалифицированный труд нарастить заработки миллионов бюджетников, а также доходы многочисленных получателей государственных трансфертов, т.е. тех россиян, которые в наибольшей степени ориентированы на приобретение продукции под маркой «Сделано в России». Всплеск заработной платы здесь вынудит топ-менеджмент негосударственных корпораций тоже адекватно нарастить уровень оплаты труда во избежание острого кадрового голода. Стремительное расширение сектора трудоемких отраслей, выпускающих инновационную конечную продукцию, способно явиться причиной дальнейшего увеличения покупательной способности населения. И расширяющееся потребление с учетом его доминирования в структуре ВВП станет решающим фактором развития внутреннего рынка при улучшении качественных характеристик уровня жизни граждан России.

Третье. Всплеск внутреннего потребительского спроса со стороны подавляющего большинства населения «будет однозначно воспринят бизнесом как сигнал для расширения производства и инвестиционной деятельности» (Ивантер, 2019, с. 8) как российских предприятий, так и фирм, приходящих в основном из дружественных стран или государств, сохраняющих нейтралитет. Причем все большая часть всех этих инвестиций, являвшихся прежде наиболее угнетенным компонентом внутренних расходов, станет направляться не в сырьевые, ставшие заметно менее прибыльными, а в повысившие свою рентабельность инфраструктурные и обрабатывающие отрасли, формируя тем самым качественно новую, инновационную модель экономического роста, альтернативную нынешней экспортно-сырьевой модели. Стремительное развитие сектора трудоемких конечных отраслей через расширение потребности в квалифицированном труде станет решающим фактором дальнейшего повышения заработной платы россиян и, соответственно, суммарного потребления. Стоимостной объем российского экспорта в результате действия предлагаемого алгоритма не только восстановится на прежних отметках, но и, более того, существенно возрастет уже за счет вывоза не сырьевой, а конечной продукции. Обеспечение приоритетности внутренних продаж,

конечно же, вовсе не означает нецелесообразности заполнения российскими производителями определенных ниш и на зарубежных рынках. Всемирное поощрение экспорта высокотехнологичной несырьевой продукции тарифными и нетарифными инструментами внешнеторговой политики, соответствующей оптимизацией реального эффективного курса рубля должно быть нацелено на постепенное восстановление доли чистого экспорта в ВВП на довольно высокой отметке. Но такое усиление роли России в мировом хозяйстве как нетто-экспортера, открывающего для себя все новые рынки инновационной продукции, реально участвующего в формировании глобальных производственных цепочек и на их завершающих этапах, уже заведомо не будет считаться признаком структурной деградации отечественной экономики. Главным же результатом реализации предлагаемого алгоритма трансформации функциональной структуры российского ВВП посредством переориентации большей части нефтегазового (и всего сырьевого) комплекса на удовлетворение внутренних потребностей в минеральном сырье станет увеличение нормы валового накопления основного капитала в нем без заметного снижения относительной доли расходов на текущее потребление и при неуклонном увеличении абсолютной величины таких расходов. И это вполне закономерно, поскольку В. Маневич подчеркивает: «Отказ от максимизации экспорта и чистого экспорта и сдвиг в направлении инвестиций — две взаимосвязанные задачи» (Маневич, 2017, с. 127). Реализация курса не на сырьевой, а на инновационный подъем многообразными прямыми и косвенными инструментами структурно-инвестиционной политики сделает российскую экономику существенно менее зависимой от колебаний конъюнктуры мирового рынка (что крайне опасно особенно в случае ее нисходящей динамики), тенденций притока или, напротив, оттока иностранного капитала, расширения или сокращения числа западных рестрикций. Она завяжет наращивание ВВП на устойчивое расширение не столько всемирного хозяйства в целом, сколько внутрироссийского рынка (а также постсоветского, а в перспективе объединенного рынка стран БРИКС) как ведущего драйвера экономического развития нашей страны на обозримую перспективу.

Мы убеждены, что, будучи объективно ресурсоизбыточной, располагая немалыми запасами минеральных ресурсов, отечественная экономика в то же время не должна оставаться и впредь ресурсозависимой, т.е. характеризоваться непозволительно высокой долей минерального сырья в структуре экспорта. Не секрет, что в сложившихся реалиях поддержание сырьевых поставок за рубеж на нынешней отметке возможно лишь при условии переноса и в будущее запредельных скидок покупателям. Если в стране функционирует мощный сектор обрабатывающих производств, создающий конкурентоспособную продукцию с высокой долей добавленной стоимости, ресурсообеспеченность не обязательно приводит к «ре-

сурсному проклятию» (Юрченко, Савельева, 2019, с. 28). Действительно, исторически тупиковая сырьевая модель формируется далеко не во всякой стране, обладающей богатыми природными ресурсами, а лишь в той, которая отличается высокой степенью открытости своей национальной экономике в плане вывоза подавляющей части ценнейших богатств недр за свои пределы. Известно, что в США вплоть до недавнего времени в течение долгих 40 лет экспорт нефти был законодательно запрещен, и она практически полностью перерабатывалась на территории страны. В механизм государственного регулирования китайской экономики издавна заложен принцип всемерного поощрения поставок конечной и одновременно радикального дестимулирования вывоза сырьевой продукции. Тем самым американские и китайские власти в отличие от российского правительства плодотворно использовали «основополагающий закон организации высокотехнологичного воспроизводства — закон вертикальной интеграции, который категорически запрещает извлекать прибыль из промежуточного производства, т.е. из всякой добычи сырья, включая нефть, газ, металлы, зерно и удобрения, древесины» (Губанов, 2021, с. 61), с четким акцентом на ее извлечение из производства конечного. Поэтому для нашей страны принципиально важно уже в 2023 г. не ограничиваться преклонением вывоза энергоносителей с одного направления на другое, отдавая приоритет нарастающему спросу на них со стороны Китая, Индии, Пакистана, Бангладеш и других индустриальных стран Азии, обрабатывающим предприятиям которых крайне выгодны трубопроводные поставки из России взамен гораздо более затратных танкерных из Саудовской Аравии и других государств Персидского залива. Без коренного перелома в динамике материалоемкости удовлетворение потребностей ускоряющейся национальной экономики в данном стратегическом ресурсе (как, впрочем, и в продукции черной и цветной металлургии) невозможно без кардинального пересмотра экспортных планов предприятий топливно-энергетического комплекса, которые зачастую были четко ориентированы на реализацию стратегических интересов иностранных потребителей отечественного сырья. Для того чтобы принципиально изменить сложившуюся ситуацию, всемерно содействовать вертикальной интеграции и восстановлению цепочек добавленной стоимости, О. Сухарев предлагал ввести норматив, по которому «10 или 15% доходов ресурсных компаний подлежат инвестированию в проекты переработки тех же ресурсов внутри страны со стимулированием по прогрессивной шкале увеличения доли экспорта обработанной продукции с высокой добавленной стоимостью в общем объеме экспорта» (Сухарев, 2015, с. 37).

Давно назрел решительный отказ российского правительства от цели максимизации валютных поступлений от сырьевого экспорта (особенно если они, как в недалеком прошлом, тратились на угрожающе расширяющийся импорт, кредитование зарубежья под мизерный процент и тем

более вывозились за границу), потому что этот экспорт заведомо не выглядит рентабельным в макроэкономическом отношении и не способен превратиться в ведущий источник финансирования неоиндустриализации отечественной экономики. Показательно в связи с этим, что, ссылаясь на результаты экономико-математического исследования на основе уравнений межотраслевого баланса, редакция журнала «Экономист» приводит эмпирическую закономерность, которая состоит в том, что каждые 2% прибыли, извлеченной из промежуточного производства, эквивалентны потере 1% ВВП. А поскольку доля нефтегазового сектора находится в современной России на уровне 21,7% валовой добавленной стоимости, постольку недопроизведенный в ней ВВП составляет почти 11% (О доле нефтегазового сектора в ВВП России, 2022, с. 93). Учет этой закономерности как раз и предполагает реализацию предложенной нами схемы трансформации функциональной структуры российского национального продукта, призванной способствовать всемерному ускорению его предстоящей динамики. Задача поэтапного сокращения сырьевого экспорта и неуклонного возвращения подавляющей доли внутреннего рынка высокотехнологичной продукции под контроль российских компаний является, по сути, двусудной.

Заключение

Конечно, главный довод всевозможных скептиков, которые наверняка захотели бы поставить под сомнение главный вывод настоящей статьи, состоит в подчеркивании того факта, что сырьевой экспорт уже несколько десятилетий подряд выступает главным финансовым источником федерального бюджета России, который в ближайшие годы, по-видимому, обречен на серьезное неравновесие. Поэтому вроде бы нашей стране вовсе не грех и впредь зарабатывать многие десятки и даже сотни миллиардов долларов на продолжении неизбирательных поставок, прежде всего, энергоносителей в любые платежеспособные страны, пусть даже вовсе не отличающиеся дружелюбием. И, действительно, прогнозные расчеты Минфина показывают, что даже в рамках сохраняющейся в общем и целом российской экспортной стратегии бюджетные потери в части одних только нефтегазовых доходов в 2023 г. составят, как минимум около 24% — с 11 666 млрд до 8939 млрд руб. (а реально, думается, и намного больше). Конечно, если исходить из финансового состояния стран «Большой семерки», такую сумму запредельной не назовешь, тем более что предыдущий 2022 г. был для нашей страны запредельно удачным в финансовом отношении, и намного более оправданно сравнивать нынешние нефтегазовые доходы с теми, которые наблюдались в до- и постковидные 2019 и 2021 гг. Однако в обозримом будущем вполне можно ожидать еще более циничной и беспощадной торговли по ценовым условиям нефтегазовых поставок с властями

формально куда более благосклонных к России стран, расположенных вблизи ее восточных и южных границ (прежде всего, КНР, Индии и Турции), что может привести к бюджетным утратам, уже серьезно превышающим 3 трлн руб. В складывающейся ситуации, чреватой возобновлением Великой рецессии, по всему миру вполне может развернуться настоящая «гонка скидок» как зримое проявление ценовой конкуренции ведущих нефтеэкспортеров, их борьбы за доллары потребителей, вплоть до задействования прямого демпинга. Неизбежные потери российских государственных финансов из-за многочисленных фактов продажи российской нефти по ценам заметно ниже установленного потолка уже сегодня спровоцировали новую волну девальвации рубля, поскольку при сложившемся ранее его курсе относительной сбалансированности федеральной казны достичь крайне затруднительно. Тем более что приходится признавать, что недавние прогнозные оценки, в соответствии с которыми требование коллективного Запада о продаже нашей нефти ниже ценового потолка неизбежно вызовет скачок мировых цен на нее из-за острого дефицита, которые, вполне возможно, и правомерны в среднесрочной перспективе (из-за неминуемого спада инвестиций в топливно-энергетический комплекс), в краткосрочном периоде пока не подкрепляются фактами. И отсутствие сколько-нибудь заметного разворота нефтяных цен на этом отчетливо спекулятивном рынке неудивительно, коль скоро относительно небольшое сокращение предложения нефти накладывается на ожидания предстоящего сжатия глобального спроса не нее в обстановке прогнозируемого на 2023 г., например, в Евросоюзе нулевого роста ВВП, а также довольно слабой экономической активности в КНР. Впрочем, и со сжатием нефтяного предложения тоже могут возникнуть немалые проблемы, коль скоро государства ОПЕК наверняка попытаются так или иначе заполнить за счет нарастающей добычи те европейские ниши, которые Россия сегодня радикально освобождает.

Однако мы убеждены, что подобный неолиберальный аргумент, основанный на традиционном для этой научной школы превалировании интересов финансового сектора над приоритетами сектора реального, бьет все же мимо цели. И неизбежно возникающие в краткосрочном периоде макрофинансовые проблемы, связанные с поэтапным сокращением сырьевого экспорта и продаж целого ряда его компонентов ниже рыночных цен в надежде на компенсацию связанных с этим потерь нарастающим в обозримом будущем вывозом товаров промышленной переработки в рамках стратегического курса на диверсификацию российского экспорта, вполне могут быть своевременно разрешены, во-первых, за счет приостановки (а лучше бы радикальной отмены) антипроизводственного налогового маневра, сопряженного с последовательным обнулением экспортных пошлин за вывозимые энергоносители, — в комбинации с существенным увеличением подобных пошлин на вывоз всех других видов

минерального сырья и продукции первого передела; во-вторых, посредством плодотворного использования накопленных ресурсов Фонда национального благосостояния для финансирования временной бюджетной несбалансированности; в-третьих, через дальнейшее последовательное замещение валютного канала денежной эмиссии со стороны Банка России каналом фондовым, состоящим в предоставлении им кредитов Минфину на покрытие бюджетных дефицитов в течение хотя бы двух-трех предстоящих немирных лет. Понятно, что в ситуации сохраняющегося и поныне довольно невысокого коэффициента монетизации отечественной экономики, значительной степени удаленности последней от неприятного состояния ликвидной ловушки попытка приведения денежного предложения в большее соответствие с реально существующим спросом на деньги фактически не таит в себе сколько-нибудь значимых инфляционных угроз. Поэтому в обозримой перспективе политика российского государства, нацеленная на обеспечение экономической безопасности в обстановке резко обострившейся санкционной войны, попросту обречена быть не просто структурной, а структурно-монетарной.

Список литературы

- Акиндинова, Н. В., Бессонов, В. А., & Ясин, Е. Г. (2018). *Российская экономика: от трансформации к развитию*. М.: ГУ ВШЭ, 55 с.
- Амосов, А. (2011). О неоиндустриальном сценарии в концепции развития до 2020 г. *Экономист*, 6, 3–17.
- Беляков, И. В. (2018). Оценка воздействия бюджетных расходов на экономическую активность. *Вопросы экономики*, 12, 28–45.
- Букина, И. С., & Маневич, В. Е. (2016). *Кредитно-денежная и финансовая система России в 2015 году и в первом полугодии 2016 года*. М.: Институт экономики РАН, 38 с.
- Василенко, А. С., Чернядьев, Д. Н., & Власов, С. А. (2018). Структурная трансформация экономики Китая: успех или неудача? *Вопросы экономики*, 7, 65–81.
- Гимпельсон, В. (2016). Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений. *Вопросы экономики*, 10, 129–143.
- Григорьев, Л. М., & Макарова, Е. А. (2019). Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии. *Вопросы экономики*, 12, 24–46.
- Губанов, С. (2021). Очередной прогноз для экспортно-сырьевой модели. *Экономист*, 10, 61–62.
- Ивантер, В. (2019). Возможности ускорения темпов экономического роста в России. *Общество и экономика*, 7, 5–11.
- Капканшиков, С. Г. (2022a). «Русская болезнь» как этап эволюции эффекта Гроингена. *Российский экономический журнал*, 5, 41–63.
- Капканшиков, С. (2022b). Сравнительный анализ роли топливно-энергетического комплекса в экономике СССР и современной России. *Общество и экономика*, 6, 38–56.
- Кимельман, С. (2020). О влиянии недропользования на ВВП и консолидированный бюджет России. *Экономист*, 1, 68–77.
- Колганов, А. И. (2022). Смешанная экономика СССР: уроки для России. *Российский экономический журнал*, 5, 101–115.

Королев, П. Ю. (2016). Сырьевой экспорт России: тиски, проклятие или осознанная необходимость? *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*, 4, 70–75.

Курнышева, И. Р. (2017). Государственное регулирование структурных преобразований в условиях конкуренции. *Вестник Института экономики РАН*, 5, 23–35.

Маневич, В. (2017). Альтернативные стратегии преодоления стагнации и «новая модель роста» российской экономики. *Вопросы экономики*, 8, 121–137.

Милов, В. (2006). Может ли Россия стать энергетической сверхдержавой? *Вопросы экономики*, 9, 21–30.

Николаев, И. А. (2023). Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 1, 58–74.

О доле нефтегазового сектора в ВВП России. (2022). *Экономист*, 7, 91–93.

Оценка рисков и угроз экономической безопасности России 2018–2020 гг. (2018). *Сборник научных трудов II научно-практической конференции «Сенчаговские чтения»*. М.: Институт экономики РАН, 248 с.

Сухарев, О. (2015). Экономическая динамика и мотивы развития. *Экономист*, 11, 25–38.

Филимонова, И. В., Эдер, Л. В., Проворная, И. В., & Черепанова, Д. М. (2020). Влияние нефтегазовой отрасли на экономику добывающих стран. *Вестник Санкт-Петербургского университета, Экономика*, 36(4), 693–718.

Чигрин, А. (2008). Производить невыгодно: последствия «голландской болезни» в России. *ЭКО*, 1, 3–19.

Юрченко, К. П., & Савельева, И. Н. (2019). Траектории макроэкономической политики в условиях ловушки среднего дохода. *Journal of New Economy*, 20(5), 23–41.

References

Akindinova, N. V., Bessonov, V. A., & Yasin, E. G. (2018). *Rossiyskaya e'konomika: ot transformacii k razvitiyu*. М.: GU VShE, 55.

Amosov, A. (2011). О neoindustrial'nom scenarii v koncepcii razvitiya do 2020 g. *E'konomist*, 6, 3–17.

Belyakov, I. V. (2018). The assessment of budget expenditures impact on economic activity. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 28–45. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-28-45>

Bukina, I. S., & Manevich, V. E. (2016). *Kreditno-denezhnaya i finansovaya sistema Rossii v 2015 godu i v pervom polugodii 2016 goda*. М.: Institut e'konomiki RAN, 38.

Chigrin, A. (2008). Proizvodit' nevy'godno: posledstviya "gollandskoj bolezni" v Rossii. *E'KO*, 1, 3–19.

Filimonova, I. V., Eder, L. V., Provornaya, I. V., & Cherepanova, D. M. (2020). Impact of the oil and gas industry on the economy of producing countries. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 36 (4), 693–718. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.407>

Gimpelson, V. (2016). Does the Russian economy need human capital? Ten doubt. *Voprosy Ekonomiki*. 10, 129–143. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>

Grigoryev, L. M., & Makarova, E. A. (2019). Capital accumulation and economic growth after the Great Recession. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 24–46. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-24-46>

Gubanov, S. (2021). Ocherednoj prognoz dlya e'ksportno-sy'r'evoj modeli. *E'konomist*, 10, 61–62.

Ivanter, V. (2019). On the opportunities for the acceleration of economic growth in Russia. *Society and Economics*, 7, 5–11.

Kapkanshchikov, S. G. (2022a). "Russian disease" as a stage of the evolution of the Groningen effect. *Russian Economic Journal*, 5, 41–63.

Kapkanshchikov, S. G. (2022b). A comparative analysis of the role of the oil and gas industry in the economies of the former USSR and present-day Russia. *Society and Economics*, 6, 38–56.

Kimel'man, S. (2020). Ovliyanii nedropol'zovaniya na VVP i konsolidirovannyj byudzhzet Rossii. *E'konomist*, 1, 68–77.

Kolganov, A. I. (2022). The mixed economy of the USSR: Lessons for Russia. *Russian Economic Journal*, 5, 101–115.

Korolev, P. Yu. (2016) Sy'r'evoy e'ksport Rossii: tiski, proklyatie ili osoznannaya neobxodi-most'? *Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamo-zhennoj akademii*, 4, 70–75.

Kurny'sheva, I. R. (2017). Gosudarstvennoe regulirovanie strukturny'x preobrazovanij v usloviyax konkurencii. *Vestnik Instituta e'konomiki RAN*, 5, 23–35.

Manevitch, V. (2017). Alternative strategies of overcoming stagnation and a "new growth model" of the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 121–137. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-8-121-137>

Milov, V. (2006). Can Russia Become an Energy Superpower? *Voprosy Ekonomiki*, 9, 21–30. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2006-9-21-30>

Nikolaev, I. A. (2023). Drajvery' e'konomicheskogo rosta: vozmozhnosti i perspektivy' ix is-pol'zovaniya v podsankcionnoj e'konomike Rossii. *Vestnik Instituta e'konomiki Rossijskoj akademii nauk*, 1, 58–74.

Ocenka riskov i ugroz e'konomicheskoy bezopasnosti Rossii 2018–2020 gg. (2018). *Sbornik nauchny'x trudov II nauchno-prakticheskoy konferencii «Senchagovskie chteniya»*. M.: Institut e'konomiki RAN, 248.

Ocenka riskov i ugroz e'konomicheskoy bezopasnosti Rossii 2018–2020 gg. (2018). *Sbornik nauchny'x trudov II nauchno-prakticheskoy konferencii «Senchagovskie chteniya»*. M.: Institut e'konomiki RAN, 248.

O dole neftegazovogo sektora v VVP Rossii. (2022). *E'konomist*, 7, 91–93.

Suxarev, O. (2015). E'konomicheskaya dinamika i motivy' razvitiya. *E'konomist*, 11, 25–38.

Vasilenko, A. S., Chernyadyev, D. N., & Vlasov, S. A. (2018). Structural transformation of China's economy: Success or failure? *Voprosy Ekonomiki*, 7, 65–81. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-65-81>

Yurchenko, K. P., & Savelyeva, I. N. (2019). The trajectories of macroeconomic policy under the middle-income trap. *Journal of New Economy*, 20(5), 23–41. DOI: 10.29141/26585081-2019-20-5-2